

УДК 8

«РУССКИЙ ДУХ» И «РУССКИЙ ХАРАКТЕР» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

© 2019 г.

С.Н. Стародубец, С.Е. Тимофеев

Брянский государственный университет им. ак. И.Г. Петровского, Брянск

starodubets.madam@yandex.ru

Поступила в редакцию 16.07.2019

Статья посвящена исследованию фразеологизма «русский дух» и составного наименования (СН) «русский характер» в современном русском языке. Цель – охарактеризовать семантическое поле рассматриваемых единиц в современном русском языке, выявить специфику функционирования их в контексте, сделать заключение относительно идиоматичности и синонимичности языковых единиц «русский дух» и «русский характер». Задачи исследования – репрезентация семантического поля названных фразеологизма и СН, выявление сущностных характеристик и особенностей их употребления в современном русском языке по данным Национального корпуса русского языка. Методы исследования: семантического анализа, контекстуальный, корпусный, сопоставительный.

Ключевые слова: составное наименование, фразеологизм, семантическое поле, Национальный корпус русского языка.

Новые номинации, возникающие в языке, «соотносятся с определенным историческим периодом в жизни людей, их культурной и социальной принадлежностью. Они составляют содержание национального самосознания, являются знаковыми элементами национального менталитета» [1]. Активные процессы в современном русском словообразовании описаны учёными нижегородской научной школы под руководством профессора Л.В. Рацибурской. Немаловажным выводом, на наш взгляд, является заключение о том, что новообразования и на базе исконно русских основ, и на базе иноязычных основ соответствуют исконно русским способам концептуализации мира [2].

Помимо деривационных новообразований, продуктивными в истории русского языка и в современном русском языке являются составные наименования (К примеру, стихотворение «Русский водопровод» (2018 г.): «Включил горячую водичку, Из крана вылезла рука, Обрато вентиль завернула. И погрозила кулаком. Включу холодную водичку: Всё хорошо, вода бежит. Но ни отвёрткой, ни отмычкой. Не можем вентиль закрутить. Опять включу свою водичку, Из крана вновь ползёт рука. Я колочу её отмычкой, Безрезультативно лишь пока...») (Олеся Шестакова, ученица 8 «В» класса МАОУ СОШ № 14, Балашиха, Московская область). Наиболее актуальными в языке СМИ и публичной речи в последнее время являются составные наименования с атрибутом *русский* как общеизвестные (*русский мир, русская зима, русская природа, «Русский Крым», русский взгляд, «Русский Стандарт», русский путь* и др.), так и ав-

торские («Русский водопровод», «Русский вальс» А. Добронравов, «Русский крест» Н. Мельникова и др.).

Составные наименования, как известно, квалифицируются по-разному:

- как фразеологическую единицу (В.В. Виноградов, В.А. Архангельский, М.М. Копыленко, З.Д. Попова, Л.И. Ройзензон, Н.М. Шанский);
- как нефразеологическую единицу (Б.А. Ларин, А.М. Бабкин, А.Н. Кожин, А.И. Молотков, В.М. Мокиенко);
- как промежуточную единицу между фразеологизмами и свободными словосочетаниями (С.И. Ожегов и др.).

Очевидно, что значительная часть ученых отмечают неидиоматичность составных наименований и в связи с этим выводят их за пределы фразеологических словосочетаний. Другие исследователи рассматривают составные наименования в составе синлексики, которая изучает «пласт композитивных по структуре, устойчивых по составу и порядку следования лексических элементов номинативных единиц языка, <...> экспрессивно-стилистически нейтральных и по выполняемой ничем не осложненной номинативной функции, и по отношению к одному отдельному природному или социокультурному факту, эквивалентных одному слову» [3].

Мы рассматриваем устойчивые лексиколизованные словосочетания нефразеологического типа как результат вторичного номинирования (*духовная интуиция, духовная культура, культурное правосознание, религиозный предмет, русская идея* и др.) либо как результат

вторичного дефинирования (*русское правосознание, русская совесть, русское сердце* и др.).

Подчёркиваем, что в составном наименовании имеет место «концентрация двух понятийных компонентов в одном», а при вторичном дефинировании – «усложнение через атрибут заданного понятийного поля», следствием чего становится в первом случае – сложный план содержания, а во втором случае – актуализация оценочного компонента [4].

В нашей работе «Составное наименование с атрибутом «духовный» как маркер дискурса И.А. Ильина» [5] подчёркиваем, что составными наименованиями являются только языковые единицы, образованные в результате вторичного номинирования: «Составное наименование с атрибутом *духовный* необходимо отличать от сочетаний, которые являются следствием вторичного дефинирования, т. е. расширенного толкования значения опорного компонента, как-то: духовное начало, духовное значение, духовное задание, духовное состояние».

К примеру, необходимо дифференцировать составное наименование, как-то: *русская культура, русское оружие, русские сапоги, русская печь, русская рубаха, русский характер* (Ср.: во «Фразеологическом словаре русского языка» (сост. А.Н. Тихонов и др.) три последние языковые единицы зафиксированы как фразеологизмы [6]), – и фразеологизм «*русский дух*».

Обобщим критерии разграничения фразеологизма и составного наименования, опираясь на признаки, предложенные Г.Г. Курегян в диссертационном исследовании [7]:

1. Для составного наименования характерна фиксация существенных признаков означаемого, относящегося к определенной области знаний. Для фразеологических единиц, напротив, свойственно выделение ярких примеров характеризуемого явления.

2. В составных наименованиях не допускается свобода перемещения составляющих единиц. В случае изменения порядка слов смысл сочетания утрачивается либо видоизменяется, что может привести к ложному пониманию. Во фразеологических сочетаниях, напротив, в большинстве случаев перестановка слов никак не отражается на общем смысле.

3. Связи между компонентами составного наименования не противоречат нормам современного русского языка. Между членами фразеологического сочетания нередко можно наблюдать связи и отношения, не свойственные современной речи.

4. На базе составного наименования нередко возникают новые слова. Редуцирование фразеологических сочетаний либо вовсе не случается, либо происходит крайне редко.

5. Составному наименованию свойственна образность, однако оно инертно к реализации экспрессии. Основное назначение составного наименования заключается в полном определении обозначаемого. Напротив, неотъемлемым свойством фразеологических единиц является экспрессивность.

На основании выделенных критериев проанализируем фразеологизм «*русский дух*» и составное наименование «*русский характер*».

Фразеологическое сочетание «*русский дух*» встречается в лексикографических источниках начиная с конца XIX века. Впервые это словосочетание было включено в работу М.И. Михельсона «Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний» 1896–1912 г. Автор приводит пример употребления сочетания «*русский дух*» в произведениях Н.А. Некрасова «Дружеская переписка. Петербургское послание» и А.С. Пушкина «Руслан и Людмила». М.И. Михельсон фиксирует лексическое значение фразеологизма – «высоконравственное состояние русского народа» [8].

В современной лексикографии, в частности, в «Большом словаре русских поговорок» под редакцией В.М. Мокиенко фразеологизм «*русский дух*» определен следующим образом: «Русский дух. *Народн.* То, что составляет русский народный характер, духовную суть русской нации» [9].

В НКРЯ фразеологизм «*русский дух*» встречается в основном корпусе русского языка в 126 документах, в 157 вхождениях [10].

Проанализируем смысловое поле фразеологизма, опираясь на данные НКРЯ.

В работе Сергея Смирнова «Русский Гамлет» «*русский дух*» имеет значение «особая понятийная нефилософская категория»: «Россия, «*русский дух*», «русская идея» – не предмет философии» [Сергей Смирнов. Русский Гамлет // Знание – сила. 2006]. В данном контексте имплицитно связана с прецедентным текстом «Умом Россию не понять...».

Базовой составляющей лексического значения фразеологизма являются семантические компоненты «духовность», «религиозность», «особенный Свет/свет»: «Это отличие, тысячу лет определявшее русскую душу, остаётся навеки; никакая «уния», никакое «католичество восточного обряда», никакое протестантское миссионерство – не переделает православную душу. Весь *русский дух* и уклад оправославлены» [И.А. Ильин. Что дало России Православное Христианство (1938)]; «И авторы книги стараются воспринимать как единое целое русский народ, русскую душу и, на высшем

уровне, *русский дух*, который питается православием» [XX век в истории России. Круглый стол «Журнала Московской Патриархии» // Журнал Московской Патриархии. 2010. № 2]; «А то, что был он талант стихийный, глубоко национальный, *русский дух* в нём был, свет особый, – невозможно никак оспорить» [В.Д. Алейников. Тадзимас. 2002].

В контексте «Русский «дух духовности» и гуманизма жив в ней, да и как не жить, если все на нём были воспитаны и им пропитаны?» [Б.К. Зайцев. Изгнание. 1971] эксплицирована соотносённость опорного компонента «дух» с ядерной семантической составляющей лексического значения – «духовностью».

Необходимо отметить, что семантические компоненты «духовность», «религиозность», «особенный Свет/свет» могут быть вариантно реализованы в идеологии старообрядчества: «Существует *некий русский дух*, неизменный и лучше всего воплощённый в старообрядчестве» [А.Д. Шмеман. Дневники (1973–1983)].

В статье «Народная армия и герои» автор сопоставляет силу «русского духа» с мощью немецкой техники: «...а потому и образ героев выстраивался так, чтобы подчеркнуть моральное превосходство: русский дух сильнее немецкой техники» [Константин Пахалюк. Народная армия и герои // Эксперт. 2014]. В приведённом словоупотреблении реализована стереотипная часть семантики, приведённая выше в лексикографическом источнике.

Отмечаем, что для представителей русской эмиграции «русский дух» обязательно спроецирован на *русский язык*: «В семье Волконских царил *русский дух*, все члены семьи говорили на *русском языке* и мечтали вернуться «домой» [Виктор Астафьев. Зрячий посох. 1978–1982].

В дискуссиях об искусстве составное наименование «русский дух» употребляется в значении «исключительная эмоциональность и редкий аскетизм». Например, в контексте коллективного полилога «Бокал боржома за успех»: «А что такое *русский дух*? Русская скоморошина и горская этика» [Бокал боржома за успех! // Родина. 2008].

В статье журнала «Строительство» «От небоскребов до русской избы» «русский дух» употребляется в значении «индивидуальный духовный стиль»: «Так создайте свой стиль для дома, в котором будет *свой русский дух*» [От небоскребов до русской избы // Строительство. 2004.10.25].

В художественной публицистике современности лексическое значение фразеологизма «русский дух» в единичных случаях реализует и пейоративную оценочность. Например, в работе

Алёны Браво, жительницы Беларуси, описывающей постсоветский период, «русский дух» – «высокомерный, презрительный стиль общения»: «Рассчитываются обычно продуктами, и я ощущаю крепкий «русский дух», когда откормленные, доброкачественные советские женщины презрительно пихают пачку рафинада или банку тушенки тощей, как подросток, совкубинке» [Алёна Браво. Комендантский час для ласточек // Сибирские огни. 2012].

В романе Сергея Осипова «Страсти по Фоме. Книга третья. Книга Перемен» «русский дух» имеет лексическое значение «зловонный запах/бескультурный, безнравственный стиль жизни»: «Это и есть тот самый *русский дух*, и он лучше всего сохраняется в подъездах, где наср... насс... и наблё... а по ночам поют похабные песни!» [Сергей Осипов. Страсти по Фоме. Книга третья. Книга Перемен, 1998].

Имеет место и значение «низкопоклонство перед Западом»: «Сверху – пятна псевдомодного британского гитарного звука, снизу – неизбежный пресный *русский дух* ученичества и низкопоклонства перед западными первообразцами» [Алексей Крижевский. Будь ты хоть БГ. Музыка (2002) // Известия. 2002.08.08].

Следует учитывать, что фразеологизм «русский дух» может быть употреблён в двух оценочных значениях одновременно, т. е. амбивалентно: «В эпоху всеславянского единения и православных идей пить рябиновую весьма патриотично. Знаменует *русский дух*. При выходе особливо» [Борис Васильев. Были и небыли. Книга 1. 1988].

Констатируем, что наиболее продуктивным является значение «непобедимая высокопатриотическая внутренняя моральная сила русского народа».

В газетном корпусе составное наименование «русский дух» зафиксировано в 79 документах, в 94 вхождениях.

Наиболее продуктивно также лексическое значение «непобедимая, бесстрашная, высокопатриотическая моральная сила русского народа»: «Но наши ярко продемонстрировали, что *русский дух* сильнее всякой брони» [Смешались в кучу танки, люди... // Комсомольская правда. 2013.06.11]; «Он вернул *русский дух* в нашу сборную» [Первые отклики. «Приятно смотреть, когда наши бьются, как львы!» // Советский спорт. 2008.06.20]; «Это явление не просто всколыхнуло *русский дух* – между властью и народом был переброшен «крымский» мост» [Сергей Подосенов, Петр Козлов. Общественная палата просит отложить создание игровой зоны в Крыму // Известия. 2014.04.24].

Другое лексическое значение, репрезентируемое в газетном корпусе, – «русское национальное самосознание»: «Сегодня крымчан запугивают, и люди отлично понимают, что те, кто захватил в Киеве власть, ни перед чем не остановятся, чтобы окончательно вывести из Крыма *русский дух*» [Наталья Гаврилева. Крым на распутье // Известия. 2014.02.26].

Помимо этого, имеет место и эксплицируемое фразеологизмом значение «безрассудство, необдуманность действий»: «... *русский дух*, ментальность нашего народа, всегда надеющегося на авось и готового плыть куда угодно, только бы найти землю, где молочные реки и кисельные берега» [Гаврилов Владимир. «Авось» – это так по-русски // Труд-7. 2006.02.27].

Немаловажным представляется зафиксированная в газетном корпусе контаминация фразеологизма *русский дух* и составного наименования *русский язык* в единый смысловой комплекс: «Растроганная учительница из Крыма пообещала сохранить там *русский язык и русский дух*» [Лариса Кафтан. Владимир Путин: Кое-кто хочет разделить нашу страну // Комсомольская правда. 2007.11.06].

Большинство авторов употребляют словосочетание *русский дух*, эксплицируя контекстуальную связь с цитатой из известного произведения А. С. Пушкина «Там *русский дух*, там *Русью пахнет*» в нетрансформированном либо трансформированном виде: «Почти половина инвестиций в Москву – из Германии. <...> можно сказать сейчас о немецкой столице, что «здесь *русский дух*, *Москвою пахнет*» [Виктория Баркова. Юрий Лужков переехал на берега Шпреи // Труд-7. 2003.07.04].

Имеют место смежные прецедентные высказывания иронического характера: «Остался ли всё же в нас *русский дух*» или таковым в Москве уже и не пахнет?» [Татьяна Савельева. Пенсионеры не дремлют // Столица. 1997.06.17].

Следует отметить, что в газетном корпусе зафиксированы собственные составные наименования – название мужской коллекции известного дизайнера Макса Черницова «*Русский дух*», название выставки «*Русский дух* в Хельсинки».

Таким образом, репрезентация лексического значения фразеологизма *русский дух* в современном русском языке определена расширенным лексическим значением, включающим семантические компоненты амбивалентного характера: архисемы – «религиозность», «духовность», «особенный Свет/свет», «русское национальное самосознание»; дифференциальные семы – «русский язык», «исключительная эмоциональность и редкий аскетизм», «индивидуальный духовный стиль»/«высокомерный, пре-

зрительный стиль общения», «зловонный запах/бескультурный, безнравственный стиль жизни», «низкопоклонство перед Западом», «безрассудство, необдуманность действий». В контексте словоупотреблений отмечена полифункциональность фразеологизма, включённость в языковую игру, контаминированные и прецедентные модели.

Продуктивным и актуальным, на наш взгляд, представляется сопоставление *русский дух* ≈ *русский характер*.

В ряде случаев в толковых словарях можно встретить инвариант *русский национальный характер*. В приведённом словосочетании лексема «национальный» усиливает базовый компонент «русский», в результате чего происходит сдвиг в семантическом поле со значения «характер русских» к новому значению «характер, принадлежащий целой нации». Компонент «национальный» – этнокультурный и идеологический атрибут, эксплицирует мелиоративную оценочность и этнокультурную коннотацию. В энциклопедическом словаре педагога В.С. Безруковой дано развернутое толкование СН: *русский национальный характер* – это базисные черты личности, выражающие специфику русской национальности, <...> сформировавшейся под мощным влиянием догматов православной веры, <...> это комплекс личностных свойств, которые составляют сущность образа жизни русского народа, <...> таких как противоречивость, духовность, даровитость и религиозность, <...> предприимчивость, свободолюбие, доброта, совестьливость» [11].

Итак, в основном корпусе НКРЯ составное наименование *русский характер* встречается в 182 документах, в 239 вхождениях [10].

Рассмотрим наиболее значимые из них.

Рассказ «Русский характер» А.Н. Толстого пропитан идеей о невозможности словами описать всю глубину и широту понятия *русский характер*. В частности, автор говорит об этом так: «*Русский характер!* Поди-ка опиши его... Кажется, прост человек, а придёт суровая беда, в большом или в малом, и поднимается в нём великая сила – человеческая красота». [Пример № 4. А.Н. Толстой. Русский характер. 1942–1944]. В данном примере мелиоративное оценочное значение составного наименования реализовано посредством сравнения его с субъектом действия «великая сила».

Следующие контексты характеризуются контрастирующими эмоционально-оценочными высказываниями, выражающими различные стороны *русского характера*. «Душевность, простота и смирение присущи ему» [Наталья Зайцева, Анна Немзер. 10 самых успешных эт-

нических музыкантов // Русский репортер. № 34 (212). 2011]. «Удалой и бесшабашный до дури, то тихий и святой до юродства...» [Сергей Баймухаметов. Кто погубил прежнюю Россию? Нация самоубийц? 2003 // Вестник США. 2003.11.12]. При этом следует отметить, что пейоративная оценочность, свойственная контексту «Удалой и бесшабашный до дури...», «сглаживается» и переходит в разряд мелиоративной.

Базовой составляющей лексического значения составного наименования является семантический компонент «духовность/религиозность», что подтверждается следующим примером. «Именно молитва была главной в выработке главных черт русского характера» [Владимир Крупин. Как только, так сразу. 1992].

Сравнительная конструкция «слёзы и смех, <...> как ком в горле» включает механизмы когнитивного восприятия высказывания и обращает реципиента к собственному опыту, благодаря чему образ «русского характера» воспринимается более полно. «Русский характер» – это колоритный, яркий, творческий характер, «это слезы и смех, которые стоят, как ком в горле» [Евгения Леонова, Денис Евстигнеев. Мордюкова и ее сыновья // Общая газета. 1998].

Однако не только положительные черты присущи «русскому характеру». Отрицательные значения семантического поля типа «пьянство», «грубость», «похабщина» также свойственны понятию. Более всего, пишет В. Мясников, «в коротких матерных притчах как нельзя точнее отразился национальный русский характер» [Виктор Мясников. Водка. 2000]. В «русском характере» «совмещаются совершенно противоположные черты: доброта с жестокостью, душевная тонкость с грубостью, крайнее свободолобие с деспотизмом, альтруизм с эгоизмом, самоуничижение с национальной гордыней и шовинизмом» [Д.С. Лихачев. Мифы о России старые и новые (глава из книги «Раздумья о России»). 1980 // Наука и жизнь. 2007].

Многозначность значения составного наименования «русский характер», а соответственно широта и разноплановость значений семантического поля прослеживается и в следующем примере. Живость «русского характера», по словам Г.И. Успенского, можно охарактеризовать способностью «живо возбуждаться новыми идеями и вопросами, но столь же быстро к ним и охладевать» [Г.И. Успенский. Мученики мелкого кредита. 1878].

«Русский характер» лучше всего находит отражение в уже известных прецедентных образах: «...живущий в нас Обломов: отрицательный тип, но великий русский характер, в чем-то

родственный Илье Муромцу» (по словам М. Пришвина.) [Лев Гришин. Грабли для малого бизнеса. 2003 // Время МН. 2003.01.27].

«Русский характер» также репрезентирован персоналистически. Например, об А.И. Солженицыне поэт Давид Самойлов высказывался как о «выдающемся русском характере, которомучастливилось быть осуществлённым в России раз в 300 лет». Образ известной личности формирует у реципиента реальное и потенциальное сопоставление с прототипом.

Далее рассмотрим иллюстрации, представленные в газетном корпусе НКРЯ. Всего было зафиксировано 172 документа, 186 вхождений.

Наибольшее число контекстов с ключевым выражением «русский характер» относится к сфере спорта. Это обосновывается тем, что, когда наши соотечественники побеждают, высказываются подобным образом: «проявил настоящий русский характер». И тогда сразу всем становится понятно, что «русский характер» – это не просто «упорство», за ним скрывается нечто большее: огромное желание, воля к победе, чувства, эмоции, переживания, ощущение единства и поддержки, вера и видение высшей цели: «Хоккеисты показали, что такое русский характер. Наши пловцы в Дубае – тоже» [П. Лысенков. Трехкратный чемпион мира Станислав Донец: Я чуть не утонул в Африке... // Советский спорт. 2011.01.15].

В газетном корпусе прототипом-образом, олицетворением «русского характера» является спортсмен. «Русский характер – очень верное выражение. Особенно в спорте, когда люди прыгают выше головы и одерживают волевые победы» [там же]. Фиксируем дифференциальную составляющую семантического поля «сила воли, за пределами возможной».

Светлана Кузнецова, известная теннисистка, рассказывает о «русском характере»: «Русский характер – это прежде всего строгость по отношению к себе, несгибаемость в трудные моменты» [Олег Шевцов. Третья ракетка турнира Светлана Кузнецова: Я вовремя опомнилась // Советский спорт. 2007.06.04].

С другой стороны, Руслан Карманов так пишет о российских паралимпийцах в статье на сайте «Советский спорт». «Русский характер» – это сила воли, движущая мощь, «поднимающая с колен» и заставляющая двигаться дальше. «Наши паралимпийцы завоевали на Играх в Канаде больше всех медалей, продемонстрировав всему миру неукротимый русский характер» [Р. Карманов. «Хватит славы, хотим борща!». Вчера в московском аэропорту Россия встречала героев Паралимпиады-2010 // Советский спорт. 2010.03.24].

«Русский характер» – это характер творческий, не познаваемый полностью, уникальный: «Наши успехи – это русский характер. Мы не акробаты, как испанцы, португальцы и бразильцы. Но за счет духа и «физики» побеждаем» [Локалов А. Капитан сборной России по пляжному футболу Илья Леонов: Рецепт побед: «физика» плюс русский характер // Советский спорт. 2010.07.29].

«Русский характер» – дикий, необузданный, неизведанный. В следующей спортивной статье суть «русского характера» раскрывается посредством образа медведя. «Мишка, который неуклонно идёт к своей цели, – это отражение русского характера. С одной стороны, это доброе, даже милое существо. С другой – если даст лапой, мало не покажется» [Сергей Пряхин. Йозеф Блаттер: Буду ходатайствовать о том, чтобы у России было три трансферных окна // Советский спорт. 2011.05.06]. Исторически сложилось так, что символическим животным, с которым ассоциируют Россию и «русский характер», является бурый медведь. В данном примере с помощью образа медведя автор пытается раскрыть дикую и в то же время добрую и дружелюбную природу «русского характера». Удачно использованный автором прием контраста раскрывает важную особенность «русского характера», которую можно определить фразами «добрый до поры до времени» и «сесть на шею не позволит», т. е. «русскому характеру» присущи, с одной стороны, мягкость и доброта, с другой – строгость и достоинство.

Следует отметить, что амбивалентность семантического поля реализуется и мелиоративным, и пейоративным вариантами оценочности. В качестве пейоративных признаков фиксируем «пьянство», «лень», «разгильдяйство», «невежественность», «зависть». «В русском характере заложено – когда нет мотивации, можно повалить дурака» [«Научите их Родину любить!» // Советский спорт. 2010.11.19].

Однако отмечаем, что отрицательно маркированные характеристики «смягчаются», если в качестве реципиента выступает «носитель» «русского характера». И тогда уже «черствость» и безразличие – это просто лишь «огромная доля благородного пофигизма» [НЕ ПОКИТАЙ // Труд-7. 2007.03.30].

Таким образом, репрезентация лексического значения составного наименования «русский характер» в современном русском языке определена семантическим полем, включающим семантические компоненты амбивалентного характера: архисему «духовность», дифференциальные семы – «противоречивость, даровитость», «предприимчивость, свободолюбие,

доброта, совестливость», «удаль и бесшабашность до дури», «доброта с жестокостью, душевная тонкость с грубостью, крайнее свободолюбие с деспотизмом, альтруизм с эгоизмом, самоуничижение, граничащее с национальной гордыней», «нищета, лень и разгильдяйство», «любовь к природе», «строгость по отношению к себе, несгибаемость» (в периферийной части).

Среди особенностей контекстов, дефинирующих составное наименование, можно выделить следующие. «Русский характер» в наибольшей степени выражается через знакомые реципиенту прецедентные образы. В рассмотренных нами контекстах через животных – бурого медведя, олицетворяющего дикую природу и могучую силу; посредством литературных образов – Обломова, «мечтательного пастуха» и одновременно с тем «глубокой души» человека; через образ всем известного простого русского мужика – забулдыги и «праздного пьяницы»; через образ великих, образованных, глубоких душой и умом личностей, на примере А.И. Солженицына и других русских людей, в которых отмечается что-то свое, «родное».

Итак, «русский дух» и «русский характер» – фразеологизм и составное наименование (устойчивый словесный комплекс).

Полученный нами результат анализа семантических полей словосочетаний «русский характер» и «русский дух» позволяет выделить ряд признаков, на основании которых каждое из исследуемых словосочетаний определяется как фразеологизм либо составное наименование:

1. «Русский дух» является узуальной фразеологической единицей (= идиоматической), зафиксированной лексикографически. Таким образом, полифункциональность фразеологизма «русский дух» в современном русском языке обуславливает широкий спектр контекстуальных значений фразеологизма, помимо базового – «русский народный характер». Лексическое значение фразеологизма репрезентирует архисемы и дифференциальные семы, названные выше.

2. Составное наименование «русский характер» представляет собой этнический стереотип, этический термин, эквивалентный трёхкомпонентному этическому термину *русский национальный характер*, имеет лексическое значение «совокупность морально-нравственных качеств личности, спроецированная доминантой (архисемой) «исключительная духовность, мотивирующая комплекс действий и поступков»: в области идейно-общественной – убежденность в победе, вопреки всему, в мотивационной области – исключительная самоотверженность, волевая стойкость, аскетизм, в области взаимоотношений с другими людьми – исключительное

бескорыстие, человечность, доброта, совесть (дифференциальные семы). При этом амбивалентность семантики СН зафиксирована пейоративными компонентами: «разгильдяйство», «крайнее свободолобие», «гипертрофированная мечтательность». Фиксируем идиоматичность семантики составного наименования (\neq характер русских), подчёркиваем, что именно атрибут «русский» задаёт гиперсемантизацию опорного компонента. Этнокультурное (этнокультурная коннотация) и идеологическое значение (идеологическая оценочность) атрибута детерминировано языковой и концептуальной картиной мира: *русский* = духовный, православный, высоконравственный. Имеет место слитное значение составного наименования, концептуальная связь со смежными языковыми единицами «русская душа», «русская натура».

3. Фразеологизм «русский дух» и составное наименование «русский характер» эксплицируют идеологически-оценочное и этнокультурное значение языкового знака, репрезентированное посредством идеологической оценочности в интенционале и этнокультурной коннотации в импликационале (ср.: [12]).

4. Фразеологизм «русский дух» эксплицирует оценочность «духовность» в ядерной части лексического значения, составное наименование «русский характер» эксплицирует коннотацию «духовность» в периферийной части лексического значения [13].

На наш взгляд, указанные словосочетания не являются синонимами. «Русский дух» \approx «Духовность», ценностная позиция русского человека, проявляющаяся в нравственной, политической, религиозной, этической и эстетической, художественной форме сознания, определяющей русскую национальную картину мира, русское национальное самосознание как духовное, соотнесённое с мифологемой «Дух/дух» [14].

«Русский характер» – это особенность, совокупность качеств русского человека, проявляющихся в поведении, образе мыслей, убеждениях, мотивированная «духовностью».

«Русский характер» является проявлением и воплощением «русского духа», проекцией «Духа» в «духовное», т. е. Божественного в человеческое.

Список литературы

1. Рацбургская Л.В., Самыличева Н.А., Шумилова А.В. Специфика современного медийного словотворчества. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. С. 1.
2. Рацбургская Л.В., Радбиль Т.Б. Лингвокультурологические особенности деривационных процессов в русском языке // Русский язык за рубежом. 2018. № 3. С. 43–49.
3. Вяничева Т.В. Субстантив-субстантивная синлексика современного русского языка: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2000. С. 18.
4. Стародубец С.Н. Функциональные особенности атрибута в религиозно-философских произведениях И.А. Ильина // Вестник Московского государственного областного университета. М.: МГОУ, 2008. № 3. С. 100–106.
5. Стародубец С.Н. Составное наименование с атрибутом «духовный» как маркер дискурса И.А. Ильина // Русский язык в поликультурном мире: Сб. науч. ст. III Междунар. симпозиума. В 2 т. / Отв. ред. Е.Я. Титаренко. Симферополь, 2019. Т. 1. С. 418–421.
6. Фразеологический словарь русского языка / Сост. А.Н. Тихонов (рук. авт. кол.), А.Г. Ломов, Л.А. Ломова. 3-е изд. стереотип. М., 2007. С. 247.
7. Курегян Г.Г. Лингвопрагматический статус оксюморона (на материале русского языка): Дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2007. 155 с.
8. Михельсон М.И. Большой толково-фразеологический словарь в 3 т. СПб., 1896–1912 гг. 2208 с.
9. Мокиенко В. М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М., 2007. С. 209.
10. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://studium-ruscorpora.ru> (дата обращения: 20.05.2019).
11. Безрукова В.С. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). Екатеринбург: [Б.и.], 2000. 937 с.
12. Радбиль Т.Б. «Язык ценностей» в современной русской речи и пути его исчисления // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 6. Ч. 2. С. 569–573.
13. Стародубец С.Н. Оценочность и коннотация «духовность» в дискурсе И.А. Ильина // Известия Смоленского государственного университета. 2017. № 3(39). С. 37–38.
14. Стародубец С.Н. Системно-структурная организация инвариантного символа Дух/дух в дискурсе И.А. Ильина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 86. С. 272–280.

**THE «RUSSIAN SPIRIT» AND THE «RUSSIAN CHARACTER»
IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE**

S.N. Starodubets, S.E. Timofeev

The article investigates the idiom of «Russian spirit» and the compound nomination «Russian character» in the modern Russian language. The aim is to characterize the semantic field of the units under consideration in the modern Russian language, to identify the specific features of their functioning in the context, to make a conclusion about the idiomaticity and synonymy of the language units «Russian spirit» and «Russian character». The research aims to represent the semantic field of the above-mentioned idiom and compound nomination, to identify the essential characteristics and peculiarities of their use in the modern Russian language according to the data of the National corpus of the Russian language. Research methods used in this study included semantic analysis, contextual, corpus, and comparative methods.

Keywords: compound name, idiom, semantic field, Russian national corpus.

References

1. Raciburskaya L.V., Samylicheva N.A., Shumilova A.V. *Specifika sovremennogo medijnogo slovtvorchestva*. M.: FLINTA: Nauka, 2015. S. 1.
2. Raciburskaya L.V., Radbil' T.B. *Lingvo-kul'turologicheskie osobennosti derivacionnyh processov v russkom yazyke // Russkij yazyk za rubezhom*. 2018. № 3. S. 43–49.
3. Vyaničeva T.V. *Substantiv-substantivnaya sinleksika sovremennogo russkogo yazyka: Dis. ... kand. filol. nauk*. Tomsk, 2000. S. 18.
4. Starodubec S.N. *Funkcional'nye osobennosti atributa v religiozno-filosofskih proizvedeniyah I.A. Il'ina // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. M.: MGOU, 2008. № 3. S. 100–106.
5. Starodubec S.N. *Sostavnoe naimenovanie s atributom «duhovnyj» kak marker diskursa I.A. Il'ina // Russkij yazyk v polikul'turnom mire: Sb. nauch. st. III Mezhdunar. simpoziuma. V 2 t. / Otv. red. E.Ya. Titarenko*. Simferopol', 2019. T. 1. S. 418–421.
6. *Frazeologičeskij slovar' russkogo yazyka / Sost. A.N. Tihonov (ruk. avt. kol.), A.G. Lomov, L.A. Lomova*. 3-e izd. stereotip. M., 2007. S. 247.
7. Kuregyan G.G. *Lingvopragmatičeskij status oksymorona (na materiale russkogo yazyka): Dis. ... kand. filol. nauk*. Pyatigorsk, 2007. 155 s.
8. Mihel'son M.I. *Bol'shoj tolkovo-frazeologičeskij slovar' v 3 t.* SPb., 1896–1912 gg. 2208 s.
9. Mokienko V. M., Nikitina T.G. *Bol'shoj slovar' russkih pogovorok*. M., 2007. S. 209.
10. NKRYA – Nacional'nyj korpus russkogo yazyka [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://studiorum-ruscorpora.ru> (data obrashcheniya: 20.05.2019).
11. Bezrukova V.S. *Osnovy duhovnoj kul'tury (enciklopedičeskij slovar' pedagoga)*. Ekaterinburg: [B.i.], 2000. 937 s.
12. Radbil' T.B. «Yazyk cennostej» v sovremennoj russkoj reči i puti ego ischisleniya // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 2011. № 6. Ch. 2. S. 569–573.
13. Starodubec S.N. *Očnonost' i konnotaciya «duhovnost'» v diskurse I.A. Il'ina // Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2017. № 3(39). C. 37–38.
14. Starodubec S.N. *Cistemno-strukturnaya organizaciya invariantnogo simvola Duh/duh v diskurse I.A. Il'ina // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta im. A.I. Gercena*. 2008. № 86. S. 272–280.